

ПОЛОЦКИЙ СОБОР 1839 Г.

Автор: протоиерей Александр Романчук, заведующий кафедрой церковной истории Минской духовной семинарии, кандидат богословия

Полоцкий Собор 1839 г. – Собор духовенства униатских Белорусской и Литовской епархий, располагавшихся в границах Российской империи. Полоцкий Собор состоялся в Софийском соборе г. Полоцк (Белоруссия) 12 февраля ст.ст. 1839 г. в неделю Торжества Православия. В ходе его работы всеми участниками был одобрен и подписан Соборный Акт, объявлявший о возвращении униатов в православное вероисповедание, на имя имп. Николая I отправлено прошение о присоединении униатов к Греко-Российской Православной Церкви. Полоцкий Собор прекратил действие Брестской церковной унии 1595–1596 гг. на территории Российского государства за исключением Царства Польского.

Предыстория и предпосылки

Полоцкий Собор явился результатом взаимодействия разнородных факторов и уникального стечения исторических обстоятельств. В процессе 3-х разделов Речи Посполитой (1772–1795) в состав Российской империи вошли земли, на к-рых действовали 6052 греко-католических прихода с 4 653 379 верующими. Политика имп. Екатерины II на присоединенных по 1-му разделу территориях была направлена на приобретение лояльности местного населения с учетом доминирования среди него католичества. Новым гражданам империи независимо от их конфессиональной принадлежности гарантировалась полная свобода вероисповедания. Вместе с объявлением курса на широкую веротерпимость российское правительство постаралось обеспечить господствующее положение православия, официально запретив обнародование папских булл без своего согласия и переход православных в католичество латинского и униатского обрядов. Одновременно всем, кто пожелает, разрешалось присоединяться к Православной Церкви.

Благосклонное отношение российских властей к униатам изменилось в кон. 1770-х гг., когда деятельность Полоцкого униатского архиеп. Иасона (Смогоржевского), предпринявшего попытку возглавить всю униатскую церковь, разделенную границами 4-х государств, и усилить зависимость российских униатов от зарубежного Высшего церковного управления, продемонстрировала, что лояльность униатского духовенства России является труднодостижимой целью. Поэтому с 1780 г. правительство имп. Екатерины II взяло курс на воссоединение с православными тех униатов, к-рые добровольно этого желали. Первая волна возвращения униатов к православию прошла с 1781 по 1784 г. В Могилевской и Псковской православных епархиях от унии в это время было принято более 80 приходских общин со 117 187 верующими, что составляло 1/8 часть униатского населения территорий, отошедших к России по 1-му

разделу Речи Посполитой. Вторая волна воссоединения униатов имела место в период сразу после второго (1793) и в момент третьего разделов Польши (1794–1795). В это время в Православную Церковь перешли 1 572 067 чел. (из них 1 441 194 в украинских и 130 873 в белорусско-литовских губ.). Одновременно с возвращением значительных масс униатов в православие имел место и переход униатов в латинский обряд (до 460 000 чел.).

6 сентября ст.ст. 1795 г. имп. Екатерина II изменила иерархическую структуру униатской церкви. Были уволены на покой с пожизненной пенсией от правительства в размере 5000 руб. в год все, за исключением архиеп. Ираклия (Лисовского), униатские епископы во главе с митр. Феодосием (Ростоцким). Учреждалась единственная униатская епархия – Белорусская, управление к-рой поручалось архиеп. Ираклию. В 1796 г. она объединяла 2 500 000 верующих. Монастыри ордена базилиан лишались орденского управления и переводились в подчинение преосв. Ираклию. Та часть монастырей, в к-рых монахи не содержали школы и не занимались социальным служением, признавалась «обществу бесполезной» и подлежала закрытию (145 обителей). Имп. Екатерина II готовила почву для организации православной миссии среди униатов. На это указывает как то, что она ослабляла церковные структуры униии, так и то, что в 1793 г. по ее поручению принявший русское подданство известный греческий богослов и церковный писатель Евгений (Булгарис), архиеп. Славянский и Херсонский, написал трактат «О лучшем способе воссоединения униатов с Православной Церковью». В этом церковно-историческом и богословском произведении преосв. Евгений указал способы и средства, с помощью к-рых на основании православной экклезиологии можно было развернуть среди католиков восточного обряда эффективную миссионерскую работу.

В 1796 г. волна возвращения униатов в православие начала спадать. Воссоединение окончательно завершилось со смертью имп. Екатерины II в ноябре 1796 г. Организованное ею широкомасштабное наступление на унию привело к увеличению сферы влияния Православной Церкви в западных губерниях России, но т.к. имп. Екатерина не успела развить его православной миссией униа продолжала численно доминировать на белорусско-литовских территориях. К негативной стороне воссоединения униатов с православными в правление Екатерины II нужно отнести то, что оно озлобило униатское духовенство против православия, а также заставило его в бóльшей, чем прежде степени испытывать неприязнь к российской власти, видя в ней враждебную своему обряду силу.

В царствование имп. Павла I, к-рый благоволил католичеству, но относился к идее церковной униии и ее практическому воплощению неприязненно, в положении униатской церкви произошли значительные изменения. По результатам переговоров имп-ра с папским нунцием в России Лоренцо Литтой, латинским митр. Станиславом (Сестренцевичем) и униатским архиеп. Ираклием (Лисовским), а также с учетом анализа конфессиональной ситуации в Минской губ., проведенным минским губернатором З.Я. Карнеевым, была расширена епархиальная структура униатской церкви. Дополнительно к уже существовавшей Полоцкой кафедре, управление к-рой сохранялось за архиеп. Ираклием (Лисовским), были открыты Брестская и Луцкая епископии. Одновременно униатские епархии были подчинены власти митрополита

латинского обряда, и им отказывалось в праве иметь своих представителей в Католическом департаменте Юстиц-Коллегии, где сосредотачивалось Высшее церковное управление Римско-католической Церкви в России. Новое правовое положение унии отражало формальное согласие имп. Павла I с тем, что униаты, проявившие приверженность своему обряду в правление имп. Екатерины II, навсегда потеряны для православия и перекладывало на латинскую иерархию ответственность за дальнейшее существование униатской церкви, поддержание ее сложившихся традиций, культурного влияния и литургической практики.

Подход, примененный к униатской проблеме имп. Павлом I, имел далеко идущие последствия. Воспользовавшись властью над униатской церковью, латинское духовенство при поддержке католической шляхты белорусско-литовских губерний, развернуло среди униатской паствы прозелитическую деятельность. В ход шли не только фанатичные проповеди, но и нечистоплотные приемы, вплоть до подлогов и их распространения. Точные цифры потерь униатской церкви в пользу латинского обряда не известны, но, сопоставляя численность униатов в епархии архиеп. Иракия (Лисовского) в 1796 г. (2 500 000) с официальным количеством последователей унии в 1807 г. (1 500 000), можно сделать вывод, что в 1796–1805 гг. из униатских храмов в костелы перешло ок. 1 000 000 верующих. В некоторых случаях в католичество латинского обряда переходили бывшие униаты, поначалу согласившиеся воссоединиться с Православной Церковью (например, прихожане 44 церквей в южных уездах Минской губ.). В сложившихся обстоятельствах недоверие униатам выразило высшее руководство Католической Церкви. Римская курия подозревала в униатской иерархии слишком большую симпатию к православию, поэтому Рим отказался признать митрополитальное устройство унии в России, к-рое было введено правительством в 1805 г., не делегировал митр-там Ираклию (Лисовскому; 1806–1809) и в его преемникам – Григорию (Кохановскому; 1809–1814) и Иосафату (Булгаку; 1817–1838) – полного объема прав и обязанностей, необходимых для эффективного управления митрополией.

В условиях, когда власти империи заняли нейтральную позицию, а польское латинское духовенство с молчаливого согласия Рима и при поддержке полонизированного высшего класса западных губерний развернуло на греко-католиков широкомасштабное наступление, в унии усилились внутренние противоречия. Униатский клир еще во времена Речи Посполитой разделился на сторонников полонизации и латинизации, сближавших унию с Польским Католичеством, и приверженцев сохранения восточнославянской самоидентификации. 1-е были представлены базилианским монашеством, вышедшими из него епископами и незначительной частью полонизированного белого духовенства. Ко 2-м относилась основная масса приходских священнослужителей. В пер. тр. XIX в. интересы последних старались выражать митр-ты Иракий (Лисовский), Григорий (Коханович), архиеп. Иоанн (Красовский), а также члены Брестского епархиального капитула, составлявшие круг наиболее образованных и энергичных белых униатских священников. Разделение в среде униатского духовенства вылилось в острое противостояние, в к-ром речь шла о том, продолжит ли уния свое существование, или постепенно будет поглощена Польским Католичеством.

Обе стороны апеллировали к властям. У сторонников латинизации и полонизации формально отсутствовали поводы для обращения к правительству, т.к. правовые акты, принятые в правление имп. Павла I, предоставляли им все возможности для проведения своей линии. Их подход состоял в том, чтобы входить в доверие к высокопоставленным российским чиновникам и с их помощью устранять тем или иным способом своих оппонентов. Показательны в этом отношении судебные дела, сфабрикованные базилианами против архиеп-в Ираклия (Лисовского) и Иоанна (Красовского). Имеются подозрения в том, что архиеп. Иоанн (Красовский) в 1827 г. был отравлен базилианами.

Основным инструментом борьбы высокопоставленных противников поглощения унии латинским обрядом являлись официальные обращения к правительству. В ответ на просьбы со стороны преосв. Ираклия (Лисовского), к-рый в записке от 2 июля ст.ст.1805 г., адресованной гр. З. Чернышеву, просил обратить внимание имп-ра на проблему спасения униатов от латинян, правительством имп. Александра I был принят ряд законодательных актов. Запрещался латинский прозелитизм, и латинизантам (как тогда называли переведенных в латинство греко-католиков) было предложено вернуться из костелов в свой прежний обряд. Эти запрещения в соединении с требованиями к латинскому духовенству ни в чем не стеснять свободу совести униатского населения повторялись в 1803, 1804, 1806, 1807, 1810 гг. В 1804 г. в Римско-католическую духовную коллегия – центральный административный орган Римско-католической Церкви в России с 1801 г. – были допущены униатские заседатели; в 1805 г. в структуре Римско-католической духовной коллегии был создан 2-й (униатский) департамент, появление которого несколько ослабило подчиненность униатов власти латинской иерархии; в 1805 г. в пределах Российской империи в унии был введен сан митрополита; в 1803 г. униатское духовное юношество было допущено к получению высшего богословского образования в Главной католической семинарии при императорском Виленском университете; в 1806 г. открыта Полоцкая духовная семинария с углубленным изучением церковнославянского языка и восточных обрядов; в 1809 г. учреждена новая униатская Виленская митрополичья кафедра.

Политика уступок сторонникам самобытности унии со стороны российского правительства в царствование имп. Александра I, вступающая в контраст с агрессивным отношением к унии со стороны латинского духовенства и католической шляхты, послужила возникновению среди униатов нового настроения. Оно состояло в том, что для противников слияния унии с Польским Католичеством православие уже не казалось духовно неприемлемым, а Речь Посполитая не воспринималась более близкой, чем Российская империя. Нарастание этого настроения стало особенно заметным в 1820-е гг. с выходом на историческую сцену нового поколения униатской интеллектуальной элиты, представленной выпускниками Главной католической семинарии при Виленском университете, где преподавание осуществлялось в духе иосифизма. В этой среде, в к-рой уже была утрачена эмоциональная связь с исторической Речью Посполитой, появились люди, не отягощенные русофобией, с отчетливо выраженными симпатиями к православию и представлением о прогрессивности установленных в Российской империи церковно-государственных взаимоотношений, что нашло отражение в мемуарах митр. Иосифа (Семашко), архиеп-

в Антония (Зубко) и Василия (Лужинского), прот. Плакида Янковского. Тяготение к Русской Православной Церкви среди молодого поколения образованных униатских священников в 1820-е гг. подкреплялось тем обстоятельством, что униаты изначально рассматривали Брестскую унию как федеративный союз Церквей, заключенный для преодоления кризисных явлений в церковной жизни и ее совершенствования, а не как механическое включение части Киевской митрополии в общую массу Католической Церкви. Отсюда вытекало, что в случае, если союз с Римом перестал способствовать развитию церковной жизни, от него не только было можно, но и следовало отказаться. Совокупность указанных факторов и процессов привела к возникновению проекта общего воссоединения униатов с православными, вышедшего из среды униатского духовенства в 1827 г.

Т.о., предпосылками возникновения проекта общего воссоединения униатов с православными в 1827 г. стали: 1) правовые изменения в положении греко-католической церкви в правление имп. Павла I; 2) недоверие униатам, являвшимся подданными Российской империи, со стороны Римской курии; 3) неспособность польского латинского духовенства и польского шляхетского общества отказаться от представления о своей латинской исключительности и русофобии; 4) обострение противоречий в среде униатского духовенства, приведшее к активизации и консолидации в униатском клире тех кругов, которые не желали перерождения своего церковного объединения в польском латинском духе 5) противоречия в экклезиологии Брестской церковной унии 1595–1596 гг.; 6) политика уступок сторонникам самобытности унии в царствование имп. Александра I. Последнее послужило преодолению негативных последствий воссоединения униатов Екатерининского времени, приучило греко-католиков видеть в России защитницу, а в возвращении в православие приемлемую духовную перспективу.

Подготовка общего воссоединения

К 1807 г. униатская церковь в пределах Российской империи насчитывала 1 538 890 верующих, духовенство состояло из 1735 приходских и 738 безместных священников, число приходов достигало 1436, распределенных по 4-м епархиям – Виленской, Полоцкой, Брестской и Луцкой. Управление униатскими делами сосредоточивалось во 2-м (униатском) департаменте Римско-католической духовной коллегии, где председательствовал старший униатский архиерей, митрополичий сан которого не был признан Римом. Римско-католическая духовная коллегия с 1817 г. входила в структуру Департамента духовных дел иностранных исповеданий и подчинялась министру народного просвещения. Униатский монашеский орден базилиан, упраздненный в России при имп. Екатерине II, но восстановленный в правление имп. Павла I, был разделен на три провинции: Литовскую, Белорусскую и Русскую. В 1801 г. орден в России насчитывал 722 членов и располагал 83 монастырями. Компактно униаты проживали на севере и северо-западе Белоруссии в пределах нынешних Гродненской, Витебской, части Брестской и части Минской областей. На украинских территориях в унии оставалось 176 приходов, 195 приходских священников и 94 977 верующих. Украинские греко-католики проживали небольшими анклавами, разделенными обширными пространствами. В первой трети XIX в. продолжалась эрозия унии в пользу латинского обряда. С 1805 по 1828 г. из униатских церквей в

костелы перешли не менее 200 000 пасомых, поэтому численность униатов, несмотря на естественный прирост населения, оставалась практически неизменной.

Толчком к началу подготовки упразднения унии в пределах Российской империи послужил указ от 9 октября ст.ст. 1827 г. «О недозволении принимать в грекоуниатское монашество людей другого обряда», изданный Пр. Сенатом по повелению имп. Николая I и по своей сути направленный на прекращение процессов латинизации церковной жизни униатов и полонизации униатского духовенства. В среде белого униатского клира он вызвал воодушевление. 5 ноября ст.ст. 1827 г. на имя директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий Г.И. Карташевского поступила записка «О положении в России Униатской Церкви и средствах возвратить оную на лоно Церкви Православной», составленная председателем 2-го департамента Римско-католической духовной коллегии от Луцкой епархии прелатом Иосифом Семашко. Записка включала в себя исторический очерк Брестской церковной унии, оценку положения униатской церкви в Российской империи и описание ряда мероприятий, с помощью которых униатское церковное объединение можно было направить к воссоединению с Православной Церковью. Свой поступок Семашко мотивировал тем, что путем самостоятельных богословских изысканий он пришел к выводу о православии Восточной Церкви, а также тем, что, в процессе своей практической церковной деятельности он убедился в бесперспективности попыток остановить поглощение унии Польским Католичеством, которое вело к денационализации населения белорусско-литовских губерний. Содержание записки было доложено имп. Николаю I и вызвало его одобрение. Император поручил товарищу министра народного просвещения Д.Н. Блудову воплотить в жизнь предложения прелата Иосифа.

В марте 1828 г. в канцелярии Министерства народного просвещения был составлен «Всепопданейший доклад о преобразовании Греко-Униатской Церкви соответственно истинным потребностям и пользам принадлежащих сему исповеданию». В нем содержался детально разработанный во 2-м департаменте Римско-католической духовной коллегии под руководством прелата Иосифа Семашко план реформирования церковного организма унии. 22 апреля 1828 г. Пр. Сенат издал высочайший указ «Об учреждении Греко-униатской духовной коллегии», который положил начало преобразованиям.

К 1830 г. реформы в униатской церкви завершились. Они коснулись всех сторон жизни униатов: 1) учреждена отдельная Греко-униатская духовная коллегия; 2) 4 униатские епархии сведены в 2 – Белорусскую (с центром в Полоцке) и Литовскую (с центром в Вильно); 3) епархиальные капитулы заменены соборным духовенством; 4) сформированы 3 административные комиссии для управления общими именными и капиталами греко-униатского духовного ведомства; 5) открыта Литовская епархиальная семинария в Успенском муж. м-ре в Жировичах (1828); 6) для униатских семинарий и духовных училищ приняты уставы, составленные по образцу действовавших в соответствующих православных учебных заведениях России; 7) положено отправлять униатских воспитанников на учебу в православные духовные академии и в Московский и Санкт-Петербургский университеты вместо Главной католической семинарии при Виленском университете; 8) поощрена отдача

духовенством детей в духовные училища; 9) безвозмездно передано униатским духовным учебным заведениям Синодальной комиссией духовных училищ более 1000 экз. православных учебных пособий; 10) монастыри подчинены епархиальным архиереям и намечено упразднение малонаселенных обителей с передачей их храмов белому духовенству, а капиталов на содержание духовных школ (из 83 м-рей продолжить функционирование могли 23); 11) назначены в консистории члены от иночествующих (на 1-й раз провинциалы и составлена для них инструкция, ограничивающая их власть); 12) запрещено принимать в униатское монашество лиц латинского обряда; 13) униатским монахам из латинян предоставлено право вернуться в прежний обряд; 14) положено монахов не посвящать в священный сан без предварительного рассмотрения и постановления консисторий; 15) определено, чтобы десятина, собираемая в пользу латинского клира с униатов, шла на содержание униатских священников; 16) запрещено приписывать униатских духовных лиц к костелам в качестве vikарных; 17) распространены на детей униатского духовенства права и преимущества, принадлежавшие по закону детям православного духовенства; 18) несколько заслуженных священников награждены золотыми крестами с возведением их в звание соборных протоиереев; 19) издание униатских богослужбных книг могло осуществляться только с разрешения Греко-униатской духовной коллегии; 20) отменено право коляторства (патроната) помещиков над униатскими церквами; 21) для убеждения приходского духовенства в духовной необходимости возвращения униатов к православной вере Иосифом (Семашко), возведенным в сан еп-па в 1829 г., на польский язык было переведено сочинение свт. Филарета Московского «Разговоры между испытующим и уверенным о Православии Греко-Российской Восточной Церкви».

Преобразования не касались канонического подчинения униатов Риму, их католического вероучения и литургической практики. Они вели не только к обособлению греко-католического духовенства от иерархии латинского обряда, пресечению влияния на униатов помещиков-католиков, сближению униатской и Православной Церковью в церковно-административной сфере и в области духовного образования, но и служили преодолению накопившихся в церковной жизни унии нездоровых явлений. Это не позволяло рассмотреть их конечную цель. Поэтому униатские еп-пы – митр. Иосафат (Булгак), еп. Иаков (Мартусевич), еп. Адриан (Головня), еп. Кирилл (Сероцинский), – придерживавшиеся строгих католических взглядов, ничего не предприняли, чтобы помешать реформам. Попытки воспрепятствовать их проведению со стороны представителей руководства базилианского ордена и Римской курии не имели успеха, т.к. они рассматривали их как проявление очередной интриги в противостоянии клерикальных групп.

Успешное воплощение в жизнь плана перестройки церковного организма унии позволило еп. Иосифу (Семашко) 26 июля ст.ст. 1832 г. обратиться к Д.Н. Блудову (со 2 февраля ст.ст. 1832 г. министр внутренних дел) с предложением осуществить общее воссоединение униатов подчинением Греко-униатской духовной коллегии Св. Синоду, за к-рым должно было последовать постепенное слияние униатов с православными. Однако Св. Синод не был поставлен в известность о реализации проекта общего воссоединения. Поэтому после восстания сторонников возрождения Речи Посполитой

1830–1831 гг. на волне антипольских настроений в православном духовенстве возникла идея организовать миссию среди униатов. Ее поддержал обер-прокурор Св. Синода С.Д. Нечаев. По его инициативе 30 апреля ст.ст. 1833 г. была учреждена православная Полоцкая и Виленская епархия, управляющим к-рой был поставлен еп. Смарагд (Кржижановский). Он развернул кампанию по присоединению униатов. В 1833–1836 гг. ему удалось перевести из унии 158 972 чел., в основном белорусских крестьян в казенных имениях и владениях православных помещиков, а потому не подверженных моральному и экономическому влиянию католической шляхты. Эта миссия входила в противоречие с проектом общего воссоединения униатов, препятствовала установлению конструктивных взаимоотношений между униатским и православным духовенством и проводилась с использованием неприемлемых методов. Она вызвала недовольство еп. Иосифа (Семашко) и его единомышленников. Для сближения позиций православного духовенства и стремившихся к православию униатов в 1834 г. по инициативе еп. Иосифа имп. Николаем I был учрежден Секретный комитет по делам греко-униатским (начал работу в 1835 г.). В его состав вошли Д.Н. Блудов, министр иностранных дел, С.Д. Нечаев, обер-прокурор Св. Синода, свт. Филарет (Дроздов), митр. Московский и Коломенский, митр. Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский Серафим (Глаголевский), архиеп. Тверской и Кашинский Григорий (Постников), митр. греко-католической церкви в России Иосафат (Булгак), еп. Иосиф (Семашко), ген. П.А. Толстой, кн. А.Ф. Голицын и действ. тайн. сов. А.С. Танеев. Известны 3 протокола заседаний комитета, а также то, что в ходе его работы состоялось несколько отдельных заседаний узкого круга его членов: Д.Н. Блудова, С.Д. Нечаева, свт. Филарета и еп. Иосифа. Комитет принял ряд важных решений: подчинение униатских учебных заведений Комиссии духовных училищ Св. Синода, введение изучения православного катехизиса в униатских семинариях, восстановление иконостасов в униатских церквях, разрешение принимать детей униатов как духовного, так и светского звания в греко-российские духовные училища. В то же время Секретный комитет не сумел преодолеть противоречия во взглядах на подготовку общего воссоединения униатов с православными. Миссионерская активность последних была лишь ограничена составленной свт. Филаретом Московским секретной инструкцией под названием «Мысли и советы для православных архиереев, которых паствы сопредельны с разномыслящими в вере и уклонившимся от Православия». В ней рекомендовалось миролюбивое отношение к католикам латинского обряда и униатам, а в случае противоборства с их стороны действиям православного духовенства, архиереи, не вступая ни в какие пререкания, должны были сообщать о случившемся обер-прокурору Св. Синода. С присоединениями униатов к православию рекомендовалось не торопиться. Особо желательными считались переходы священников вместе со своими прихожанами. В присоединенных приходах священникам разрешалось носить сутаны и брить бороды.

Проявившаяся в действиях С.Д. Нечаева, еп. Смарагда (Кржижановского) и подчиненного ему духовенства неготовность православной стороны принять возвращение униатов в православие, послужила поводом для внесения в проект общего воссоединения важных изменений, приведших к его интенсификации. В октябре 1833 г. еп. Иосиф (Семашко) выступил с резкой критикой православной

миссии и повторно выступил с предложением подчинить униатов Св. Синоду. Предложение не нашло поддержки. Однако Семашко полагал, что альтернативного пути упразднения унии не существует, поэтому по собственной инициативе он начал проводить подготовительные к передаче униатов в ведение Св. Синода мероприятия: 1) усиление позиций сторонников воссоединения в униатской иерархии (в 1833 г. в униатской церкви остались 2 еп-па – митр. Иосафат и еп. Иосиф); 2) делатинизацию униатского обряда. По его предложению в нач. 1834 г. в состав униатского еп-та были введены единомышленные ему духовные лица – прот-и Антоний (Зубко) и Василий (Лужинский), к-рые были назначены vikариями Литовской и Белорусской епархий соответственно. В сан еп-па был также возведен протоархим. базилианского ордена Иосафат (Жарский). Еп. Иосафат не сочувствовал православию, но ради хиротонии согласился дать подписку о желании присоединиться к Русской Православной Церкви в любое время. 7 февраля ст.ст. 1834 г. решением Греко-униатской духовной коллегии, одобренным всеми униатскими архиереями, в богослужебную практику униатской церкви вводилась православная богослужебная литература, богослужебная утварь и священнические облачения, а также было положено начало перестройке униатских церквей согласно восточной традиции и очищению богослужения от латинских наслоений. В Жировичском Успенском муж. мон-ре при Литовской духовной семинарии была учреждена комиссия по обучению приходских священников православному богослужению и правильному чтению церковнославянских текстов. Литургическое сближение униатов с православными вызвало протест священников Новогрудского деканата (57 чел.). Разбирательство выявило 2 его зачинщиков, к-рые были отправлены на покаяние в Вольнянский м-рь, а затем переведены на причетнические должности. Остальные согласились с делатинизацией униатского обряда, т.к. их протест не носил обдуманного характера и был инициирован сторонним влиянием.

24 февраля ст.ст. 1836 г. исполнение обязанностей обер-прокурора Св. Синода было временно поручено гр. Н.А. Протасову, к-рый 25 июня ст.ст. 1836 г. занял эту должность. Новоназначенный обер-прокурор 4 января ст.ст. 1837 г. получил от еп. Иосифа (Семашко) записку «О положении униатского дела и способах доведения оногo к предположенной цели». В ней в очередной раз предлагалось завершить подготовку общего воссоединения подчинением униатов Св. Синоду и сообщалось, что только в 1834 г. из унии в костелы перешли 25 000 чел. Последнее вызвало заинтересованность Протасова, т.к. свидетельствовало о неоднозначности миссионерских успехов еп. Смарагда (Кржижановского).

1 января ст.ст. 1837 г. Греко-униатская духовная коллегия была выведена из подчинения Департамента духовных дел иностранных исповеданий в структуре МВД и передана в ведомство Пр. Сената. Одновременно контроль за управлением униатской церкви передавался в руки обер-прокурора Св. Синода. В июне 1837 г. еп. Смарагд был переведен на Могилевскую кафедру, организованная им миссия прекратилась сама собой. Изменение ситуации послужило для еп. Иосифа (Семашко) поводом, чтобы продемонстрировать Н.А. Протасову готовность униатов к воссоединению и подтолкнуть обер-прокурора на решительные шаги. Для этого в обеих униатских епархиях он организовал среди священников сбор подписок об их

желании присоединиться к Православной Церкви. Эта кампания, проводившаяся как лично еп. Иосифом, так и его ближайшими сотрудниками, открыла, что последовательное приведение в жизнь литургической реформы в Литовской епархии под руководством еп. Иосифа, собравшего вокруг себя широкий круг единомышленников, привело к откровенному обсуждению перспективы воссоединения среди униатских духовных лиц. Аргументы сторонников воссоединения оказались убедительными. В результате большая часть духовенства Литовской епархии была согласна на православие. В Белорусской епархии среди униатского духовенства оставалось значительное число лиц, не определившихся со своим отношением к православию и сложилась небольшая группа влиятельного духовенства, тайно противодействовавшего их сближению с православными (А. Томковид, И. Игнатович, В. Копецкий, И. Малишевский, И. Точитский, К. Мальчевский и др.). Усилиям этой группы способствовала недостаточная энергия в проведении литургической реформы, проявленная викарием Полоцкой епархии еп. Василием (Лужинским), к-рый был ограничен в своих действиях правящим архиереем митр. Иосафатом (Булгаком), и миссионерская деятельность еп. Смарагда, возбуждавшая антиправославные настроения среди униатов. Разная степень глубины подготовительных к общему воссоединению мероприятий определила разный результат в сборе подписок. К 15 августа ст.ст. 1838 г. письменно изъявили желание присоединиться к православию 876 белых священников (718 в Литовской епархии, 158 в Белорусской епархии), и 56 монахов (42 в Литовской епархии и 14 в Белорусской). В это время в обеих епархиях числилось 1509 белых священников и 228 монахов. Всего к февралю 1839 г. письменное согласие на воссоединение выразили 1305 священнослужителей.

В первой половине 1838 г. скончались митр. Иосафат (Булгак) и еп. Иосафат (Жарский), остававшиеся последними сторонниками сохранения унии из числа иерархов униатской церкви. В связи со смертью митр. Иосафата, занимавшего три поста: митрополита, председателя Греко-униатской духовной коллегии и правящего епископа Белорусской епархии, встал вопрос о замещении этих должностей. После совещания обер-прокурора Св. Синода графа Н.А. Протасова с Д.Н. Блудовым, свт. Филаретом Московским и Киевским митр. Филаретом (Амфитеатовым) 2 марта ст.ст. 1838 г. еп. Иосиф (Семашко) был назначен на должность председателя Греко-униатской духовной коллегии. Управляющим Белорусской епархией стал еп. Василий (Лужинский). Вопрос о назначении униатского митрополита остался открытым.

Новая иерархическая ситуация и успехи в сборе подписок подтолкнули Н.А. Протасова к выяснению готовности униатов на воссоединение. По его ходатайству в июне 1838 г. в западные губернии был направлен чиновник Св. Синода для особых поручений камергер В. Скрипицын. Скрипицын посетил 54 прихода, 8 мужских и 2 женских монастыря в Литовской епархии, 23 прихода, 2 мужских и 1 женский монастырь в Белорусской. Он выяснил, что из 1225 приходских и 163 приписных церквей и 463 часовен по греко-восточному обряду устроено 1363 храма (573 в Белорусской и 790 в Литовской епархиях) и в них может совершаться правильное православное богослужение. Скрипицын отметил, что в числе согласных на воссоединение «состоит все высшее образованное духовенство, в коем

сосредотачивается вся моральная сила его». Сомневающимися в справедливости разрыва унии камергер назвал 151 священника и монаха, что не учитывало значительное количество духовных лиц, к-рым за подписками еще не успели обратиться, а также безместных и заштатных священников (59 чел. в Литовской епархии, 136 чел. в Белорусской). Оптимизм В. Скрипицина оказался преувеличенным. Сбор подписок вызвал протест 111 священников Белорусской епархии, к-рые 16 сентября ст.ст. 1838 г. собрались в с. Церковна Дриссенского уезда и выступили с требованием его прекратить. В случае его продолжения они выразили готовность перейти в латинский обряд. Этот протест был вызван как влиянием местных помещиков-католиков, так и группой противников православия, сложившейся в духовенстве Белорусской епархии. Чтобы его остановить униатскому священноначалию пришлось применить меры строгости к 28 священнослужителям (перевод на другой приход, помещение до покаяния в м-рь, изведение на причетническую должность, высылка в великороссийские губернии). Подобный Церковлянскому протест с такими же последствиями имел место осенью 1838 г. в Белостокском деканате Литовской епархии, где несогласие с воссоединением выразили 15 священников.

Протесты униатского духовенства, с одной стороны, задержали окончательное решение униатского вопроса, с другой стороны, раскрыли для правительственных кругов сложность проходивших в унии процессов, к-рые требовали взвешенного подхода к решению проблем и привлечение высших государственных инстанций. В декабре 1838 г. Н.А. Протасов инициировал создание Секретного комитета для совещания о мерах касательно воссоединения Греко-униатской Церкви. В его состав вошли: Главный начальник Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, шеф жандармов ген. А.Х. Бенкендорф, министр государственных имуществ ген. П.Д. Киселев, обер-прокурор Св. Синода гр. Н.А. Протасов и министр внутренних дел Д.Н. Блудов. На заседаниях комитета 22 и 26 декабря ст.ст. 1838 г. были рассмотрены письменные мнения о возможности упразднения униатской церкви еп. Иосифа (Семашко), свт. Филарета Московского, митр. Киевского Филарета (Амфитеатрова) и еп. Антония (Зубко). Все архиереи высказались в пользу скорейшего воссоединения. Еп. Иосиф полагал, что оно должно заключаться в передаче Греко-униатской духовной коллегии от Пр. Сената Св. Синоду, после чего должен был последовать длительный процесс включения согласных на православие униатов в состав Русской Православной Церкви без перемены внешнего вида священников и вмешательства в сложившиеся в унии церковные традиции, если таковые не противоречат вероучению Православной Церкви. Признаком завершения воссоединения приходов и м-рей Семашко считал поминание за богослужением Св. Синода вместо Папы Римского и исключение из Символа Веры слов «и Сына». Еп. Иосиф высказался против проведения Собора униатского духовенства, полагая, что на нем могут возникнуть разногласия. Свт. Филарет Московский усматривал в таком подходе опасность, заключающуюся в том, что по предоставленным ему сведениям 421 униатский священник и 172 монаха еще не дали подписки о согласии на воссоединение. Выражая опасение, что эти люди могут спровоцировать волнения, он предложил провести Собор униатского

духовенства, на к-ром будет принято Соборное обращение униатской иерархии к Св. Синоду с просьбой о присоединении. При этом бывшим униатам следовало оставить те обычаи и привычки, к-рые не противоречили православному вероучению. Секретный комитет принял план свт. Филарета и разработал основные положения Соборного Акта, к-рые должны были одобрить и подписать члены предстоящего Собора, а также дальнейший порядок действия униатской иерархии. Принимая во внимание то, что после воссоединения священники лишатся материальной поддержки со стороны помещиков-католиков, комитет счел необходимым выделить из средств Комиссии духовных училищ Св. Синода сумму в 360 000 руб. для выплаты пособий духовенству. Впоследствии предполагалось выделить священникам земли из помещичьих угодий.

На заседании 4 января ст.ст. 1839 г. члены Секретного комитета разработали секретную инструкцию генерал-губернаторам западных губерний, предоставлявшую им особые полномочия на период воссоединения: 1) наблюдать, чтобы католическое духовенство и помещики не мешали воссоединению униатов; 2) разрешить назначение для наблюдения за ходом дел на 3 года в каждую губернию по одному чиновнику для особых поручений; 3) возложить прямую ответственность и наблюдение за крестьянами на помещиков; 4) избрать удобные пункты в селениях для размещения войск на случай возникновения беспорядков; 5) выслать униатских священников, не повинующихся начальству, в монастыри великорусских губерний; 6) за соучастие в противодействиях воссоединению лишать занимаемых должностей предводителей дворянства и чиновников; 7) предавать военному суду католическое духовенство за вооруженные выступления; 8) для быстрого успеха в деле воссоединения ходатайствовать о наградах и денежных пособиях духовным, военным и гражданским лицам; 9) вышеперечисленные меры употреблять в случае необходимости, «генерал-губернаторы прежде всяких официальных мер строгости обязаны действовать лично внушениями и увещаниями». 8 апреля ст.ст. 1839 г. секретная инструкция была подписана императором.

Ход Полоцкого Собора и усвоение церковным организмом разрыва Брестской унии.

Униатская иерархия согласилась с решениями Секретного комитета. Собор был назначен в день Торжества Православия 12 февраля ст.ст. 1839 г. в Полоцке. Он состоял в торжественном богослужении, на к-ром в тексте Символа веры было опущено *filioque* и вместо имени Папы Римского поминались Св. Синод Русской Православной Церкви и предстоятели всех Православных Поместных Церквей. Накануне Собора всеми его участниками были рассмотрены, одобрены и подписаны подготовленные заранее документы, к к-рым прилагались 1305 собственноручно написанных священниками подписок о желании присоединиться к Православной Церкви. Соборный Акт подписали: еп-пы: Иосиф, еп. Литовский, Василий, еп. Оршанский, управляющий Белорусской епархией, Антоний, еп. Брестский, викарий Литовской епархии; заседатели Греко-униатской духовной коллегии соборные протоиереи: Игнатий Пильховский, Иоанн Конюшевский, Лев Паньковский; председатель Литовской консистории, соб. прот. Антоний Тупальский, председатель Белорусской консистории, Ректор Полоцкой семинарии соб. прот. Михаил Шелепин,

вице-председатель Литовской консистории соб. прот. Михаил Голубович (впоследствии архиепископ), в должности Ректора Литовской семинарии соб. прот. Фердинанд Гомолицкий, вице-председатель Белорусской консистории протоиерей Константин Игнатович, член Литовской консистории и эконо Литовской семинарии иг. Иосаф (Вышинский), член Белорусской консистории иг. Иосиф (Новицкий), инспектор Полоцкой семинарии, соб. прот. Фома Малишевский (впоследствии епископ Филарет), инспектор Литовской семинарии иером. Игнатий (Железовский; впоследствии епископ), ключарь Полоцкого Софийского каф. собора соб. прот. Михаил Копецкий, эконо Белорусской семинарии соб. прот. Иоанн Щенснович, заседатель Литовской консистории соб. прот. Плакид Янковский, заседатель Белорусской консистории прот. Иоанн Глыбовский, заседатель Литовской консистории Григорий Куцевич, заседатель Белорусской консистории иер. Иоанн Сченснович, заседатель Белорусской консистории иер. Фома Околович, в должности секретаря при еп. Иосифе (Семашко) иером. Фауст (Михневич), в должности секретаря при еп. Антонии (Зубко) иером. Петр (Михалевич).

После получения прошения от униатской иерархии, имп. Николай I повелел Св. Синоду составить согласное с каноническими правилами Православной Церкви постановление о произошедшем событии. 25 марта ст.ст., в праздник Благовещения Пресвятой Девы Марии, император утвердил это постановление резолюцией: «Благодарю Бога и принимаю». 30 марта ст.ст. Иосиф (Семашко) был возведен в сан архиеп-па, в присутствии членов Св. Синодом ему была вручена Синодальная грамота воссоединенным епископам с паствою, дано братское лобзание всех синодальных членов и совершен в Синодальной церкви благодарственный молебен. В память воссоединения униатов была выбита медаль. На ее лицевой стороне лик Спасителя на убрусе с надписью сверху: «Такова имама первосвященника» (Евр. 8, 1); внизу: «Отторженные насилем (1595), воссоединены любовью (1839)». На обратной стороне восьмиконечный крест в лучах с надписью вверху: «Торжество Православия» и внизу: «25 марта 1839».

Согласно постановлению Секретного комитета от 22 и 26 декабря ст.ст. 1838 г. всенародное объявление об упразднении унии было отложено. Св. Синод издал исполнительный указ, с к-рым следовало ознакомить присоединяемое духовенство. В первую очередь его содержание доводилось лицам, подписавшим Соборный Акт Полоцкого Собора, затем всем, кто ранее дал подписки о воссоединении. Не выразивших письменно желание оставить унию к этому времени в Литовской епархии насчитывалось 116 священников и 95 монахов, а в Белорусской соответственно 305 и 77. Их сначала убеждали дать подписки, после чего исполнительный указ об упразднении унии доводился до их сведения. За подписками не обращались к безместным и престарелым священникам. Свидетельством присоединения к православию мон-рей и приходских храмов считалось прекращение за богослужением поминания Римского Первосвященника, введение поминания Св. Синода и исключение из Символа Веры слов «и Сына», верующие считались воссоединенными с Православной Церковью по факту исповеди и принятия Таинства Причастия у согласившихся на православие священников, что соответствовало предложению еп. Иосифа (Семашко), высказанному в 1832 г. В 1839–1840 гг. в Литовской епархии от

приходских священников и монашествующих было получено 146 подписок о присоединении. Такая же работа проводилась в Белорусской епархии, где вопреки постановлению Секретного комитета еп. Василий (Лужинский) всенародно объявил о воссоединении вскоре после Полоцкого Собора. Параллельно, чтобы поставить верующих в известность о совершившейся перемене их конфессиональной принадлежности в соборных храмах крупных городов в феврале-мае 1839 г. был проведен ряд совместных богослужений воссоединенного и староправославного (в официальных источниках – «древлеправославного») духовенства, в к-рых участвовало от 50 до 150 священнослужителей. Волнений прихожан во время совместных богослужений отмечено не было. Отряд войск, сосредоточенный для пресечения возможных беспорядков (150 казаков 29 донского казачьего полка, прибывшие в Витебск 12 марта ст.ст., и 440 солдат под командой шести офицеров, расквартированных в окрестностях Полоцка), не понадобился.

К 4 июля ст.ст. 1839 г. во всех благочиниях и монастырях Литовской епархии духовенству было объявлено о разрыве союза с Римом. 4 октября того же года еп. Иосиф сообщил в Св. Синод, что во всех храмах его епархии более не поминается Папа, а Символ Веры поется без *filioque*. В Белорусской епархии перейти в православие в 1839 г. отказались прихожане Дерновицкого прихода (согласились воссоединиться в 1846 г.) и приходов, расположенных в Овручском уезде Киевской губ. (воссоединились в октябре 1839 г.). 1 октября ст.ст. 1839 г. произошло всенародное объявление об упразднении унии в границах Российской империи. Уния продолжила существование только в Холмской епархии, расположенной в Царстве Польском, где воссоединение состоялось в 1875 г.

Римская курия восприняла известие о Полоцком Соборе со сдержанностью. 22 ноября ст.ст. 1839 г. папа Григорий XVI издал аллокуцию, в к-рой обвинял униатских еп-пов в отступничестве, но не критиковал правительство имп. Николая I из опасений вызвать его недовольство с последствиями для католиков империи.

По итогам Полоцкого Собора с Русской Православной Церковью воссоединились 3 епископа, свыше 1700 священников, более 200 монашествующих, 1227 приходов с 1 600 000 верующими (по Литовской епархии 986249 чел., по Белорусской – 613751 чел.). Полоцкий Собор завершил воссоединение униатов, ставших подданными Российской империи в посл. четв. XVIII в. Всего в 1780–1839 гг. в православное вероисповедание вернулось 3 448 226 верующих. Учитывая первоначальное число униатов (4 653 379) и естественный прирост населения белорусско-литовских губ-ний, к-рый должен был составить 514 000 чел. (в 1782–1857 гг. прирост населения составлял 0, 17%), можно сделать вывод, что в эти десятилетия из унии в латинский обряд перешли не менее 1 719 153 чел.

Включение воссоединенного церковного объединения в состав Русской Православной Церкви потребовало комплексного решения духовных, церковно-административных, церковно-строительных и иных задач, преодоления социальных и материальных проблем. Бывшие униаты значительно отличались от прочих православных. Их общины были рассеяны по обширным пространствам современных Белоруссии, Литвы и Украины, в некоторых местностях они располагались в гуще староправославного населения. Воссоединенные приходские храмы были очень

бедными и часто выглядели убого. В них стояли на скорую руку сколоченные из простых досок с минимальным количеством православных и униатских икон иконостасы, имелось большое количество католических икон, литургических сосудов, облачений, монстранций и проч. Богослужение во многих местах совершалось и по православным, и по униатским книгам, не единообразно. В службах использовались колокольчики, после служб и во время погребений пелись песнопения на польском языке. Праздновались католические праздники, крестные ходы совершались по чину Римской Церкви. Духовенство имело вид ксендзов. В общении с прихожанами священники использовали местные белорусские диалекты, но в церковной проповеди и в домашнем быту употребляли польский язык. Многие жены священников и их дети были католиками латинского обряда. Принципы материального обеспечения воссоединенного клира существенно отличались от принципов содержания духовенства во внутренних губерниях России. Церкви пользовались фондами. Им принадлежали имения с крепостными крестьянами. Духовные лица, особенно происходившие из шляхетских родов, имели земельные владения, иногда и крепостных. Особенности отличались взаимоотношения духовенства и простого народа. Священники относили себя к высшему сословию, а потому часто свысока смотрели на свою паству. Верующие молились по-польски, не носили нательных крестиков, приветствовали друг друга словами: «Нех бендзе похвалёны Езус Хрыстус», во время служб шепотом читали молитвы по польским молитвенникам. В их среде сохранялся дух православного благочестия, но формы благочестия были польские и латинские. Многие посещали костелы. Задача слияния бывших униатов с остальной частью Русской Церкви осложнялась продолжающимся экономическим, культурным, моральным господством католической польской и полонизированной белорусской знати.

На первоначальном этапе решение поставленных Полоцким Собором задач возлагалось на бывшее Высшее церковное управление униатской церкви – Греко-униатскую духовную коллегия, переименованную после воссоединения в Белорусско-Литовскую духовную коллегия. Ее председателем был назначен архиеп-п Иосиф (Семашко). Коллегии подчинялись десять православных епархий, на территории которых проживали бывшие униаты.

В 1840–1841 гг. в белорусско-литовских губ. были пересмотрены границы епархий, совершено перемещение архиереев и рукоположение новых епископов, проведено причисление староправославных и воссоединенных приходов к епархиям, в пределах к-рых они действительно состояли. В рамках иерархических и церковно-административных преобразований воссоединенная Литовская епархия, на 100% состоявшая из бывших униатов, продолжила существование с наименованием «Литовская и Виленская». Ее управление было оставлено архиеп. Иосифу (Семашко). Воссоединенный еп. Антоний (Зубко) возглавил староправославную Минскую епархию, к-рая после передачи ей воссоединенных на 60% оказалась составленной из бывших униатов. Воссоединенная Белорусская епархия упраздняялась. Управлявший ею еп. Василий (Лужинский) возглавил староправославную Полоцкую кафедру, переименованную в «Полоцкую и Витебскую» и ограниченную пределами Витебской губ. Одновременно с этим церкви Литовской епархии, располагавшиеся в границах

Минской губ., передавались в Минскую епархию, а церкви Минской епархии, находящиеся в пределах Гродненской губ. и Белостокской обл., перечислялись в состав Литовской епархии. Минская епархия из «Минской и Гродненской» была переименована в «Минскую и Бобруйскую», викарию Литовской епархии повелевалось именоваться не «Пинским», а «Брестским». Такое же перераспределение храмов произошло между Полоцкой, Литовской и Минской епархиями, а также между Полоцкой и Могилевской епархиями.

В результате церковно-административных и иерархических преобразований староправославные и воссоединенные приходы оказались соединены в одно целое. Для их полного слияния Св. Синод: 1) распространил на воссоединенных из унии «преосвященных и духовенство всех тех постановлений, которые относятся к правам и обязанностям древлеправославных преосвященных и духовенства»; 2) разрешил воссоединенным и староправославным священникам поручать друг другу исправление духовных треб своим прихожанам; 3) прекратил судебные дела о совращениях православных в унию; 4) издал предписание римско-католическому духовенству, чтобы оно не полагало различий между воссоединенными и староправославными и вывело из использования название «униаты».

20 июля ст.ст. 1842 г. вышел закон «Об обеспечении православного сельского духовенства», явившийся завершением секуляризации церковных земель в Российской империи. Цели закона состояли в унификации материального содержания воссоединенного и староправославного духовенства, в обеспечении достаточного содержания приходского клира с устранением платы за требоисправление, как причины взаимного недовольства священников и верующих. Согласно закону священники должны были иметь следующие источники содержания: 1) казенное жалование; 2) церковные земельные наделы в 36 десятин (1 десятина – 1, 09 га); 3) обработка из них 10 десятин в пользу священника прихожанами; 4) доставка от них же руги; 5) приходские помещения с ремонтом и отоплением их от прихожан; 6) доходы от них же. При введении были составлены штаты архиереев, монастырей, приходских храмов, и в казну были взяты населенные имения, со времени унии принадлежавшие некоторому числу приходов.

По мере административно-иерархического обустройства западных епархий их управления выходили из подчинения Белорусско-Литовской духовной коллегии. В 1841 г. этот процесс оказался завершенным. В результате епархиальное ведомство полностью выпало из ее компетенции. Постепенно из ведения коллегии были изъяты училищное управление и принадлежавшие духовенству населенные имения, после чего это учреждение утратило все свои функции. В августе 1843 г. Белорусско-Литовская духовная коллегия была закрыта. С ее упразднением закончился период, в продолжение к-рого произошло церковно-административное слияние бывших белорусско-украинско-литовских униатов с Русской Православной Церковью.

В продолжение 1840–1850 гг. происходило литургическое и духовное объединение воссоединенных с полнотой Русской Православной Церкви. Оно было в значительной степени осложнено как тайным противоборством со стороны католического духовенства и католической шляхты, могущество к-рых в белорусско-литовских губерниях воссоединение униатов поколебало, но не разрушило, так и

непониманием сложности происходившего в церковной жизни поворота со стороны правительственных кругов империи. Положение бывших униатов стало особенно уязвимым после заключения в 1847 г. между Российской империей и Римско-католической Церковью конкордата, воодушевившего католическое духовенство и польских патриотов, давшего толчок консолидации их сил и парализовавшего российскую администрацию белорусско-литовских губерний. В результате до начала 1860-х гг. ни церковностроительное дело, ни материальное обеспечение приходского клира, ни иноческая жизнь в воссоединенных м-рях не достигли желаемого уровня. Не были преодолены и униатские привычки воссоединенного духовенства и верующих, что давало почву для появления мнения о провале упразднения унии, к-рое высказывали некоторые православные иерархи и представители российской власти. Тем не менее, в этот период воссоединенным епископам удалось укрепить подчиненное духовенство в православии и воспитать новое поколение священников, к-рые по своему образованию и духовному облику уже в полной мере соответствовали православному духовенству, что медленно, но верно оказывало соответствующее влияние на простой народ. Окончательным завершением этого процесса можно считать события восстания 1863–1864 гг., показавшее нежелание верующих возвращаться в унию, к чему их призывали руководители восставших.

Меры воздействия на униатское духовенство в ходе подготовки Полоцкого Собора и количество несогласных с его решением греко-католических священников

В историографии Полоцкого Собора встречаются мнения о преследованиях верных унии священнослужителей. Католические историки насчитывают от 92 до 160 заключенных в православные монастыри, брошенных в тюрьмы, сосланных на каторжные работы и в Сибирь униатских духовных лиц. Однако согласно документальным свидетельствам в процессе подготовки и совершения воссоединения никто из униатских священников и монахов не подвергался ни гражданскому административному, ни уголовному наказанию. Их позиция рассматривалась как неподчинение епархиальной власти, поэтому все действия в отношении представителей греко-католического клира, не согласных на православие, предпринимались не государственными властями, а униатским епархиальным начальством в рамках церковных канонов и традиций.

В ходе реализации проекта общего воссоединения униатов можно выделить две волны несогласия священнослужителей со сближением унии с православием. Они были вызваны разными причинами и были разделены географически и хронологически. Первые волнения имели место в связи с делатинизацией униатского богослужения в 1834–1835 гг. в некоторых благочиниях Литовской епархии и не коснулись духовенства Белорусской епархии. Всего отказались участвовать в литургической реформе в это время 57 священников (коллективный протест духовенства Новогрудского деканата), из к-рых твердость проявили 2. Вторая волна поднялась в 1838–1839 гг. в связи со взятием от священников подписок о желании присоединиться к Православной Церкви в любое время и проведением Полоцкого Собора. Эта волна прокатилась в рядах духовенства Белорусской кафедры – 111 священников Витебской, Минской и Могилевской губерний, подписавших протест

против упразднения унии, и незначительно задела клир Литовской епархии – 15 священников Белостокского благочиния. Основным средством воздействия на духовенство, к-рое использовали стремящиеся к воссоединению епископы и их единомышленники, было убеждение. В некоторых случаях частные беседы не достигали цели. Мерами воздействия на несогласных были: 1) перемещение на другие приходы; 2) временное отстранение от священнических обязанностей с переводом на причетнические должности; 3) помещение на епитимию до раскаяния в непослушании в униатские монастыри: Вербиловский, Тадулинский, Любарский, Тригурский, Оршанский; 4) высылка в великорусские губернии. Первые 3 меры в 1835–1839 гг. были применены к 61 священнослужителю, из которых 47 принесли покаяние и вернулись к исполнению священнических обязанностей, 13 упорствовали, 1, перешедший в унию из латинского обряда, вышел из состава униатского духовенства. 4-я мера применялась в феврале-марте 1839 г. Из мест компактного проживания воссоединенных, согласно решению Секретного комитета, были удалены 36 духовных лиц, к-рые выступили против воссоединения (включая 13, проявивших упорство при проведении литургической реформы и не изменивших свою позицию): 20 чел. поместили в специально устроенной в г. Курске обители (просторный дом с устроенной внутри церковью, окруженный садом), содержащейся на средства Белорусско-Литовской духовной коллегии, 16 чел. разместили в Черниговской (7), Орловской (3), Рязанской (3), Вологодской (1), Владимирской (1), Смоленской (1) губерниях на свободном поселении или в православных мон-рях. В итоге общее количество священников, подвергнутых всем видам воздействия в ходе подготовки Полоцкого Собора составляет 84 человека.

В 1842 г. Курская обитель была закрыта: 5 иноков вышли светское звание, 7 были перевели в воссоединенные мон-ри (их поведение уже не считалось вредным для воссоединенной паствы), 8 разместили в мон-рях великорусских епархий.

В 1845 г. по инициативе министра гос. имуществ П.Д. Киселева было проведено официальное расследование положения не согласившихся на православие униатских духовных лиц, что было вызвано передачей ему во время его пребывания во Франции частного письма, содержащего список «бедных униатских священников, которые претерпевают величайшие гонения». Письмо было составлено в среде польской эмиграции, на основании сведений священника Ильи Андрушкевича. В письме назывались имена 60 греко-католических священнослужителей. Расследование открыло, что 8 чел. из этого списка приняли православие и вернулись к монастырским послушаниям или церковно-приходскому служению, 20 чел. выбрали свободное поселение с пенсией от российского правительства в 350 руб. в год, 2 изъявили желание остаться на содержании православных мон-рей, 1 вышел в светское звание, 4 священника к 1845 г. скончались, 4 никогда не высылались из белорусско-литовских губерний, 20 имен принадлежали людям никакого отношения к униатскому духовенству не имевшим, либо наказанным по военносудебным делам, относящимся к событиям восстания 1830–1831 гг., 3 имени повторены дважды для увеличения списка. 20 клириков, к-рые предпочли свободное поселение с содержанием от правительства, избрали для жительства те города, где имелись костелы: Чернигов, Полтава, Брянск, Воронеж, Харьков, Симбирск, Нежин, Ярославль, Казань, Саратов, Нижний Новгород.

Им не навязывали переход в господствующее вероисповедание. Т.о., в 1839–1845 гг. количество проявивших твердость в католическом вероисповедании униатских священнослужителей не превышало 30 чел., что составляет 1,8% от общего числа согласившихся с решением Полоцкого Собора священников.

Значение Полоцкого Собора

Полоцкий Собор значительно расширил сферу влияния православия в западных губерниях Российской империи, напомнил русскому духовенству о важности соборности в жизни Церкви, но на практике мало повлиял на жизнь Русской Православной Церкви в XIX в., связанной синодальной системой управления. Наибольшее значение Полоцкий Собор имеет для современной белорусской части Русской Православной Церкви, духовно-культурного и национального становления белорусского народа, т.к. из 1 600 000 воссоединившихся с православием в 1839 г. униатов 1 500 000 были белорусами. В нач. XIX в. белорусско-литовские губернии представляли преимущественно католический край, где на 500 православных приходов приходилось 1 500 униатских. После Полоцкого Собора Белоруссия превратилась в православную страну. В нач. XXI в. в Республике Беларусь 85% верующих причисляют себя к Православной Церкви исключительно благодаря событиям, связанным с подготовкой и осуществлением Полоцкого Собора, а в дальнейшем с интеграцией бывших униатов в состав Русской Церкви. Прочность позиций Православной Церкви в белорусско-литовских губерниях после Полоцкого Собора была проверена восстанием 1863–1864 гг. Революционеры, выступавшие за возрождение Речи Посполитой с Белорусскими и Украинскими территориями в ее составе, призывали к восстановлению унии, но воссоединенные священнослужители и верующие предпочитали быть ограбленными, избитыми, принять мучительную смерть, но не соглашались вступать в ряды повстанцев, тем самым засвидетельствовав религиозную и народную справедливость упразднения унии в 1839 г.

Литература и источники

Dobrzyński, Z. Prawosławni a grekokatolicy w dawniej Polsce : 2 cz. / Z. Dobrzyński. – Warszawa, 1992 ; Kołbuk, W. Kościoły wschodnie w Rzeczypospolitej około 1772 roku / W. Kołbuk. – Lublin : Instytut Europy Środkowo Wschodniej, 1998. – 460 s. – S. 50 ; Radwan, M. Carat wobec kościoła grekokatolickiego w zaborze Rosyjskim 1796 – 1839 / M. Radwan. – Roma; Lublin : Polski instytut kultury chrześcijańskiej, 2001. – 504 s. ; Chotkowski, W. Dziejeżniweczeniasw. UniinaBiałorusiiLitwiewswietlepamiętnikówSiemaszki / W. Chotkowski. – Kraków : Spół. WydawPol., 1898. – 205 s. ; Lencyk, W. TheEasternCatholicChurchandCzarNicholasI / W. Lencyk. – Romae; NewYork : UkrainianCatholicUniversityPress, 1966. – 148 p. ; Likowski, E. DziejekościółaunickiegonaLitwieiRusiwXVIIIiXIXwieku / E. Likowski. – Poznań, 1880. – 495 s. ; Pełesz, J. GeschichtederUnionderruthenischenKirchemitRomvondenaltestenZeitenbisdieGegenwart / J. Pełesz. – Wien : W. Heintich, 1878 – 1880. – Bd.

1–2 ; Sosna Grzegorz, ksiądz. Hierarchia i klerkościolaprawoslawnegow granicach II Rzeczypospolitej i Polski powojennej w XIX – XXI wieku / ksiądz G. Sosna, m. Antonina Troc-Sosna. – Ryboly: ORTHODRUK, 2012. – 1007 s. ; Zasztowt, L. Procesy karny w ziemiach litewsko-ruskich polikwidy unii w 1839 roku / L. Zasztowt // Przegląd Wschodni. – T. II. – Zeszyt 3 (7). – 1992/93. – S. 611 – 631; *Філатава А.* Скасаванне уніі на Беларусі: гістарычнае асэнсаванне праблемы // Наш радавод. – Гродна, 1996. – Кн. 7. – С. 372—375. ; Упраздненне греко-уніяцкіх манастырей в Западной России // Русская старина. – 1870. – Т. 1–6. – С. 527–538 ; Афанасий, (Мартос), архиепископ. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни / архиепископ Афанасий (Мартос). – Минск : Белорусский Экзархат Русской Православной Церкви, 1990. – 299 с. ; Бобровский, П.О. Русская Греко-Униатская церковь в царствование императора Александра I. Историческое исследование по архивным документам П.О. Бобровского / П.О. Бобровский. – Санкт-Петербург: Типография В.С. Балашева, 1890. – 394 с. ; Белоруссия и Литва: исторические судьбы Северо-Западного края. – Минск: Издательский центр БГУ, 2004. – 407 с.: илл. – (Scriptor universitatis) ; Буглаков, М., священник. Преосвященный Георгий Конисский, Архиепископ Могилевский / священник М. Булгаков. – Минск: «Виноград», 2000. – 656 с. ; Боцяновский, В.Ф. Иосиф Семашко и воссоединение униатов / В.Ф. Боцяновский // Исторический вестник. Санкт-Петербург : Типография А.С. Суворина, 1893. – Т. 54. – С. 857–875 ; Галадза, П., священник. Літургічне питаання і развіток богаслужень напередодні Берестейскай уніі аж до кінца XVII століття / священник П. Галадза // Берестейска унія та внутрішнє життя Церкви в XVII столітті: матеріали Четвертих Берестейських читань, Львів, Луцьк, Київ, 2 – 6 жовтня 1995 р. / ред. Б. Гудзяк. – Львів : Інститут Історії Церкви Львівської Богословської Академії, 1997. – С. 5–6 ; Галанов, М.М. Политика российского самодержавия и позиция Русской Православной Церкви в отношении католиков и униатов в годы царствования Павла I: дисс.... доктора наук : 07. 00. 02 / М.М. Галанов. – Санкт-Петербург, – 2014. – С. 292 ; Дмитриев, М.В. Между Римом и Царьградом: генезис Брестской церковной Унии 1595 – 1596 гг. / М.В. Дмитриев. – Москва : Издательство Московского университета, 2003. – 320 с. ; Дуров, М.А. Иосиф, митрополит Литовский, как поборник русских интересов в Северо-Западном крае / М.А. Дуров. – Вильна: Типография А.Г. Сыркина. – 1886. – 48 с. ; Дылевский, Е.В. Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский, член Святейшего Синода / Е.В. Дылевский. – Санкт-Петербург: Типография журнала «Странник», 1869. – 148 с. ; Евгений (Булгарис), архиепископ. О лучшем способе воссоединения униатов с Православной Церковью / архиепископ

Евгений (Булгарис) // Христианское чтение. – 1887. – Ч. 2. – С. 19–93 ;
Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор’ева [і інш.]; навук.
рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск : ВП “Экаперспектыва”, 1998. – 340 с. ;
Канфесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі (канец XVIII – пачатак
XX ст.) / В.В. Яноўская [і інш.] ; навук. рэд. В.В. Яноўская ; Нац. Акад. Навук
Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – 496 с. ; Антоній
(Зубко), архіепіскап. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России /
архіепіскап Антоній (Зубко) // Сборник статей, изданных Св. Синодом по
поводу 50-летия воссоединения с Православной Церковью западно-русских
униатов. – Санкт-Петербург, 1889. – С. 38–76 ; Василий, (Лужинский),
архіепіскап. Записки Василия Лужинского, архіепіскапа Полоцкого и
Витебского, члена святейшего правительствующего Всероссийского синода о
начале и ходе окончательно совершившегося дела воссоединения греко-
Униатской Церкви в Белоруссии и Волыни с православною российской
церковью, написанные в конце тысяча восемьсот шестьдесят шестого года /
архіепіскап Василий (Лужинский). – Казань : Казанская Духовная академия,
1885. – 312 с. ; Вигель, Ф.Ф. Воспоминания Ф.Ф. Вигеля: в 7 ч. / Ф.Ф. Вигель.
– Москва : В Университетской типографии (Катков и К^о), 1865. – Ч. 7. – 146
с. ; Добрынин, Г. Истинное повествование или жизнь Гавриила Добрынина,
им самим писанная в Могилеве и в Витебске. 1752 – 1823: в 3 ч. / Г.
Добрынин. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Печатня В.И. Головина, 1872. – 380
с. ; Иосиф, (Семашко), митрополит. Записки Иосифа митрополита
Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию
автора: в 3 т. / митрополит Иосиф (Семашко). – Санкт-Петербург :
Типография императорской Академии Наук, 1883. ; Киприанович, Г.Я.
Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и
воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. /
Г.Я. Киприанович. – изд. 2-е испр. и доп. – Вильна: Типография И.
Блюмовича, 1897. – 613 с. ; Киприанович, Г.Я. Исторический очерк
православия, Католичества и Унии в Белоруссии и Литве с древнейшего до
настоящего времени / Г.Я. Киприанович. – 2-е изд. – Вильна: Типография И.
Блюмовича, 1899. – 236 с. ; Климов, Н.Ф., священник. Постановления по
делам Православной Церкви и духовенства в царствование Императрицы
Екатерины II / священник Н.Ф. Климов. – Санкт-Петербург : Лештуковская
Паровая Скоропечатня П.О. Яблонского, 1902. – 138 с. ; Коялович, М.О.
История воссоединения западнорусских униатов старых времен / М.О.
Коялович. – Минск : Лучи Софии, 1999. – 400с. ; Коялович, М.О. О
почившем митрополите Литовском Иосифе / М.О. Коялович. – Санкт-
Петербург : Типография Департамента Уделов, 1869. – С. 13–14 ; Коялович,

М.О. Смута в униатской среде в Белоруссии в 1802–1803 гг. / М.О. Коялович // Христианское чтение. – 1874. – №7. – С. 402–422 ; Крачковский, Ю.Ф. Пятидесятилетие воссоединения западнорусских униатов с православною церковью (1839–1889) / Ю.Ф. Крачковский. – Вильна: Издано на средства Виленского учебного округа, 1889. – 130 с. ; Круковский, А.В. Страничка из истории белорусского духовенства / А.В. Круковский // Русская старина. – Санкт-Петербург : Общественная польза, 1910. – Т. 143. – С. 240–245 ; Марозава, С.В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гады) / С.В. Марозава; пад навук. рэд. У.М. Конана. – Гродна : ГрДУ, 2001. – 300 с. ; Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.): В 2 т.–3-е изд., испр., доп. / Миронов Б.Н. – Санкт-Петербург : Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003, – Т. 1. – 548 с. – Т. 2. – 583 с. ; Морошкин М. Воссоединение Унии: исторический очерк // Вестник Европы. –1872. –Кн. 4. –С. 606–643. ; Назарко, Іриней, ЧСВВ. Київські і Галицькі митрополити. Біографічні нариси (1590–1960) / Іриней Назарко. – Торонто : Видавництво отців Василіян, 1962. – 269 с. ; Носко, М. Униатская церковь в начале XIX века и подготовка к воссоединению с Православием: дисс. ... канд. богословия / М. Носко, Московский Патриархат; Белорусская Православная Церковь; Минская Духовная Академия им. Свт. Кирилла Туровского, каф. Церковной Истории. – Жировичи, 2000. – 158 с.; Оржеховский, И.В., Теплова, В.А. «Польский вопрос» и правительственная политика на территории Беларуси в первой половине XIX в. / И.В. Оржеховский, В.А. Теплова // Выбраныя навуковыя працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта – Минск: БДУ. – 2001. – С. 79–92 ; Пері, В. Берестейська унія у Римському баченні / В. Пері // Історичний контекст, укладнення Берестейської унії і перше поунійне покоління: матеріали Перших Берестейських читань, Львів, Івано–Франківськ, Київ, 1–6 жовтня 1994 р. / ред. Б. Гудзяк. – Львів : Інститут Історії Церкви Львівської Богословської Академії, 1995. – С. 7–38 ; Пржецлавский О.А. Александр Семенович Шишков в 1824–1828 гг.: воспоминания О.А. Пржецлавского // Русская старина. – 1875. – Т. XIII. – С. 374–402 ; Романчук, А., священник. Греко-католическая Церковь в пределах Российской империи в первой трети XIX в.: проблемы и перспективы / священник А. Романчук // Церковно-исторический вестник. – 2008. – № 15. – С. 56–83 ; Романчук, А.А., протоиерей. Главная Семинария при Виленском университете: воспитание и образование католического духовенства униатского обряда / протоиерей А.А. Романчук // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. – 2006. – № 4. – С. 3–10 ; Долбилов, М.Д. Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при

Александре II / М.Д. Долбилов. – Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – 1000 с. ; Римский, С.В. Конфессиональная политика России в Западном крае и Прибалтике XIX столетия / С.В. Римский // Вопросы истории. – 1998. – № 3. – С. 25–44 ; Романчук, А., протоиерей. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности / протоиерей А. Романчук. – Москва – Минск : Издание Общества любителей церковной истории, 2015. – 443 с. ; Смолич И.К. История Русской Церкви. С. 337–338). Смолич, И.К. История Русской Церкви 1700 – 1917: в 2 ч. / И.К. Смолич. – Москва : Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – Ч. 2. – 799 с. ; Стрельбицкий, И.Х. Пятидесятилетие воссоединения белорусских униатов (1839 – 1889): ист. очерк / И.Х. Стрельбицкий. – Вильна : Губернская типография, 1889. – 61 с. ; Сушков, Н.В. Воспоминания о митрополите Литовском и Виленском Иосифе и об уничтожении Унии в России / Н.В. Сушков. – Москва : Университетская типография, 1869. – 39 с.; Толстой, Д.А. Очерк служения митрополита Литовского Иосифа, скончавшегося в 1868 году. (Извлечение из отчета г. обер-прокурора Святейшего Синода графа Д.А.Толстого за 1868 год) / Д.А. Толстой // Христианское чтение. – 1869. – Ч. 2. – С. 1077–1110 ; Филарет, (Дроздов), митрополит. Собрании мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам, издаваемое под редакциею преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: в 7 т. / Ф. Дроздов, митрополит. – Санкт-Петербург; Москва: Синодальная типография, 1885–1887. – Т. 2. С. 446–451 ; Филевич, И.П. Вопрос о воссоединении западно-русских униатов в его новейшей постановке / И.П. Филевич. – Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1891. – 31 с. Філатава, А. Палітыка царскага ўраду ў адносінах да уніяцкай царквы (1772–1838) / А. Філатава // Брэсцкай царкоўнай уніі – 400: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Брэст, 8-9 кастрычніка 1996 г. / рэд. А.А. Акінчыц. – Брэст : БрДУ, 1997. – С. 84–88 ; Філатава, А.М. Хрысціянскія канфесіі пасля далучэння Беларусі да Расійскай імперыі (1772-1860) / А.М. Філатава // Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор’ева [і інш], навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск : ВП “Экаперспектыва”, 1998. – С. 5–28 ; Хлебцевич, И.А. Иосафат Жарский провинциал Литовских базилианских монастырей, впоследствии епископ Пинский / И.А. Хлебцевич. – Гродно : Типо-литография С. Лапина, 1897. – 93 с. ; Хойнацкий, А.Ф. Западнорусская церковная Уния в ее богослужениях и обрядах / А.Ф. Хойнацкий. – Киев : Типография Киевопечерской Лавры,

1871. – 475 с. ; Фотинский, О. Иоанн Красовский, униатский архиепископ Полоцкий и Луцкий / О. Фотинский // Литовские Епархиальные Ведомости. – 1894. – № 15. – С. 131 ; Чистович, И. Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с православной церковью западно-русских униатов: обзор событий воссоединения в царствование императора Николая I / И. Чистович. – Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1889. – 64 с. ; Шабатин, И. Из истории воссоединения белорусских униатов / И. Шабатин // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – № 8. – С. 37–49; 1951. – № 2. – С. 35–47; № 6. – С. 59–63; № 10. – С. 47–54; № 11. – С. 51–60 ; Шавельский, Г., протопресвитер. Последнее воссоединение с православною церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.) / протопресвитер Г. Шавельский. – Санкт-Петербург : Типография «Сельского вестника», 1910. – 380 с. ; Янковский, П., священник. Записки сельского священника / священник П. Янковский. – Минск : Свято-Петро-Павловский собор, 2004. – 380 с.: илл.; Шеститко, В. Латинизация Греко-католической Церкви в Речи Посполитой: исторический, литургический и канонический аспекты; дипломная работа / В. Шеститко; Московский Патриархат; Белорусская Православная Церковь; Минская Духовная Семинария, каф. Церковной Истории. – Жировичи, 2009. – 81 с. ; Шеститко, В., священник. Персональный состав Секретных комитетов по униатским делам в 1835–1839 гг. / священник В. Шеститко // ХРОНОС. Церковно-исторический альманах. Минск : Изд-во Минской духовной академии, 2017. – №4. – 170 с. – С. 55–82 ; Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. – Вильна : Типография А.Г. Сыркина, 1889. – Т. XVI: Документы, относящиеся к истории церковной Унии в России. – 704 с. ; Записка об упразднении греко-униатских монастырей в Западной России 28 февраля 1828 года. // Русская старина. – 1870. – 2 изд. – Т.1. – С. 517–538 ; Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года : в 48 т. – Санкт-Петербург : Печатано в Типографии II Отделения Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярии, 1830. – Т. 23. – № 17199. – С. 509–511, – № 17333. – С. 699–700, – № 17384. – С. 722–723, – № 17391. – С. 791–793 ; – Т. 26. – № 19263. – С. 24–31, – № 19595. – С. 338, – № 19706. – С. 486 ; – Т. 29. – № 22226. – С. 670–671 ; – Т. 19. – № 14042. – С. 827–833 ; – Т. 20. – № 15028. – С. 953–954 ; Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание второе : С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года : в 55 т. – Санкт-Петербург : Печатано в Типографии II Отделения Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярии, 1830–1885. – Т. 2. – № 1449. – С. 877–878 ; – Т. 8. № 6161. – С. 244–246 ; – Т. 15. – Ч. 1. – № 13141. – С. 53, – № 13395. – С. 290, – № 13728. – С. 537 ; – Т. 18. – № 17111. – С. 526 – 527.

Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге: –Ф. 1661. – Оп. 1. – Д. 416, 415, 418 ; – Ф. 796. – Оп. 205. – Д. 172, 179, 188, 291, 292; – Оп. 8. – Д. 24165 ; – Ф. 797. – Оп. 6. – Д.22468,22303,22984,22641, 22653, 22665, 22666, 22672, 22708, 22711, 22742, 22777 ; – Оп. 16. – Д. 38385 ; – Оп. 87. – Д. 11, 18, 23, 30 ; –Ф. 824. –Оп. 2. –Д. 23. Л.

Полное собрание законов Российской империи : собр. 2. – Т. 8. – Отд. 1. – Санкт-Петербург : Печатано в Типографии II Отделения Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярии, 1834. – 832 с. № 6161. с.